

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ

КОРЕЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

АЛЕКСАНДР ЛУКИН

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ОКСАНА ПУГАЧЁВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Резюме

Статья представляет собой отклик на недавно опубликованный фундаментальный труд ведущих российских корееведов «Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.)» за авторством А.В. Торкунова, Г.Д. Толораи и И.В. Дьячкова, ставший новым плодом уникальной программы современных корейских исследований МГИМО. Авторы статьи продолжают содержащийся в монографии глубокий и всесторонний анализ развития ситуации на Корейском полуострове и роли России в корейском урегулировании. Констатируя факт того, что достижение цели денуклеаризации Корейского полуострова, то есть отказа Пхеньяна от ядерного оружия, не только не приблизилось, но даже отдалилось, они высказывают сомнение в целесообразности отказа России от поддержки международных санкций и поворота в сторону большей поддержки КНДР. Они отмечают, что смягчение санкций может означать признание того, что Россия не только не считает более эту цель достижимой, но и хотела бы поощрить Северную Корею за ее отказ выполнять требования международного сообщества. Подобная позиция снижает роль России в корейском урегулировании, при этом других путей достижения отказа КНДР от ядерного оружия в обозримой перспективе не наблюдается. Авторы статьи полагают, что признание ядерного статуса КНДР повлечет за собой цепную реакцию в регионе, что ставит под угрозу безопасность восточных регионов России. Кроме того, увеличение числа ядерных держав снижает её вес в мире, девальвируя её статус ядерной державы. Таким образом, борьба за нераспространение ядерного оружия в целом и его ликвидацию в Северной Корее в частности должна остаться приоритетной задачей российской внешней политики.

Ключевые слова:

Корейский полуостров; КНДР; Республика Корея; ракетно-ядерная проблема Корейского полуострова; Россия; российско-северокорейские отношения; российско-южнокорейские отношения; США.

В новой международной ситуации, сложившейся после 2014 года, и характеризующейся растущими противоречиями с США и Западом, появляются многочисленные экспертные предложения по адаптации к ней внешнеполитического курса Москвы.

Одно из направлений такой адаптации — развитие более тесных отношений со странами, также находящимися в проблемных отношениях с Западом, — Ираном, Китаем, Турцией, КНДР и др. Вероятно, в ряде случаев такие предложения могут быть обоснованы.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.03.2021

Дата принятия к публикации: 15.04.2021

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: lukinru@yahoo.com

ванными, однако, по нашему мнению, к таким случаям не относится КНДР, так как ситуация на Корейском полуострове – крайне специфическая и сопряжена с необходимостью решения здесь ядерной проблемы. Цель данной статьи – обосновать этот тезис и показать всю специфичность политики России на Корейском полуострове.

В мире есть страны, интересные не только сами по себе, но и ставшие символами некоторых явлений или тенденций мирового развития, которые часто используются политологами-международниками для иллюстрации той или иной теории. Сложилось так, что оба корейских государства, Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) и Республика Корея (РК), образовавшиеся в результате раскола ранее единой страны после Второй мировой войны, стали именно такими странами-символами. Южная Корея (РК) символизирует экономический рывок в условиях ориентированного на развитие авторитарного режима, который, как и предсказывает теория модернизации, в конечном счете привёл к созданию среднего класса и успешной демократизации. Северная Корея (КНДР) – пример тоталитарного режима коммунистического толка, причём в самой его радикальной, экзотической форме. Несмотря на то что эти схемы значительно упрощают реальность обеих стран, они глубоко укоренились в общественном сознании.

Оба корейских государства важны для России. Сотрудничество со странами Восточной Азии необходимо нашей стране для решения одной из её стратегических задач – развития собственных азиатских регионов. Они расположены в непосредственной близости от российских границ и играют важную роль в региональном балансе сил. Наконец, ядерная проблема Корейского полуострова (ЯПКП) – один из острейших вопросов мировой политики, и Россия играет важную роль в поисках подходов к его решению [Armstrong et al. 2006; Cha 2013; Tan 2015; Park 2015; Jeh et al. 2019]. В этой связи выход в свет книги, посвящённой проблемам современных корейских государств, их внутренней и внеш-

ней политике, написанной группой исследователей, среди которых наиболее авторитетные российские эксперты, не может не вызвать интерес как у специалистов, так и в обществе в целом. Книга *«Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.)»* написана авторским коллективом МГИМО МИД России в составе ректора этого вуза, академика РАН А.В. Торкунова, бывшего дипломата, а ныне профессора МГИМО и члена Группы экспертов по содействию комиссии СБ ООН по санкциям в отношении КНДР Г.Д. Толораи и доцента И.В. Дьячкова [2021]. Она представляет собой результат глубокого изучения внешней и внутренней политики двух корейских государств, которое ведётся в этом университете на протяжении многих десятилетий, и продолжает вышедшую более десятилетия назад комплексную монографию, посвящённую политическому и социально-экономическому развитию Корейского полуострова вплоть до межкорейской разрядки 2000–2008 годов [Торкунов, Денисов, Ли 2008]. Усилия школы МГИМО по изучению современной Кореи во многом уникальны, поскольку данная проблематика в России исследуется явно недостаточно. Специалистов по Корее у нас значительно меньше, чем, например, по соседним Китаю или Японии, и столь значительных работ выпускается немного. Естественно, за период с 2008 г. ситуация на Корейском полуострове и в мире существенно изменилась, что остро требовало её нового осмысления и оценок.

1

Во введении книги синтезирована основная проблематика изучения новейших тенденций в развитии ситуации на Корейском полуострове. Учёные размышляют о том, как происходящие в мире изменения, связанные со становлением нового мирового порядка, отразятся на Корейском полуострове. Они отмечают, что «Север и Юг продолжают идти разными путями, и “путеводные звёзды” у них разные, никаких свидетельств их сближения пока нет» [Ibid: 6–7], как и нет оснований рассчиты-

вать на коллапс северокорейского режима. Авторы книги даже полагают, что «изменения глобального устройства могут укрепить позиции Северной Кореи», десятилетиями пребывающей вне глобализации, в то время как Южная Корея, вероятно, останется «внешнеполитическим карликом» под опекой США «в условиях разворачивающегося американо-китайского конфликта» [Ibid: 4]. По их мнению, нынешние изменения мирового устройства «не сгладили, а скорее усилили конфликтный потенциал» корейского вопроса [Ibid: 3].

Структурно книга состоит из трёх разделов. В первом анализируются проблемы внутреннего и международного развития двух корейских государств, а также перипетии межкорейских отношений за последние 13 лет, включая недавние события 2020 г. Второй раздел сконцентрирован на изложении ракетно-ядерной проблемы Корейского полуострова и попыток её дипломатического решения после прихода к власти в США администрации Барака Обамы. В третьем рассматриваются российская дипломатия на корейском направлении, двусторонние отношения России с Северной и Южной Кореей.

Анализируя последние годы правления Ким Ченира в КНДР, исследователи отмечают усиление централизации власти в Пхеньяне и отказ от попыток преобразований, обусловленные как внутренними, так и внешними факторами. Внутренние факторы связаны с острой необходимостью обеспечения стабильности во властной верхушке и гладкой передачи власти в стране в условиях ухудшения здоровья северокорейского лидера. Внешним фактором стал приход к власти в Южной Корее консерваторов, враждебно настроенных к Северу и преисполненных навязчивых идей о скором коллапсе пхеньянского режима [Ibid: 19]. Режим во второй половине 2010-х годов «как бы «спрятался в скорлупу»», и «преодоление страной ядерного рубежа» привело к нарастанию международной изоляции КНДР [Ibid: 16–17].

Вместе с тем исследователи констатируют, что попытки Ким Ченира «повернуть

время вспять» и обратить назад некоторые послабления репрессивного режима начала 2000-х годов провалились. Результаты денежной реформы 2009 г. «оказались предсказуемо катастрофическими: столкнувшись с остановкой экономики и массовым отторжением со стороны населения, власти отступили» [Ibid: 26]. Негласно и постепенно восстановились «буржуазные тенденции» и зачатки рыночной активности. Однако боязнь разбалансировки политической системы и отсутствие квалифицированных экономистов не позволяли разработать стратегию преобразований, в итоге власти ограничились лишь косметическими мерами, не способными решить хронические проблемы экономики.

В главах, посвящённых консолидации Ким Ченыном политической власти после смерти в 2011 г. его отца, исследователи анализируют особенности внутривнутриполитического курса нового руководителя КНДР. *Во-первых*, придя к власти, Ким Ченын серьёзно ограничил «позиции армии как политического фактора» [Ibid: 31]. «Главное – произошла смена парадигмы власти. Руководство стало осуществляться, как и в классических соцстранах, через партийные структуры, а не военную «вертикаль», что практиковалось при Ким Ченире». *Во-вторых*, Ким Ченын отошёл от политики сонгун (приоритет вооружённых сил), провозгласив в марте 2013 г. на пленуме ЦК Трудовой партии Кореи курс *пёнчжин*, предполагавший параллельное развитие экономики и ядерных сил. Подобные меры и искусные интриги позволили Ким Ченыну «основательно перетрясти элиты и выдвинуть верных лично вождю людей» [Ibid: 32]. Кроме того, после преобразования системы государственного управления путём конституционной реформы Ким Ченын аккумулировал в своих руках всю полноту власти, заняв высшие должности во всех ключевых её структурах – партии, армии и государстве [Ibid: 37].

По мнению авторов книги, установление единоличной власти и внутривнутриполитической стабильности позволили Ким Ченыну обеспечить надёжный тыл и при-

ступить к ракетно-ядерным испытаниям. Вместе с тем абсолютное подчинение и отсутствие альтернативных мнений обернулись провалом переговорного процесса с США в 2018 году: «никто не решился удержать вождя от попытки “сыграть ва-банк” с южнокорейским президентом Мун Чжэином и американским президентом Д. Трампом» [Ibid: 41].

Рассматривая социально-экономическое развитие КНДР при Ким Ченыне, авторы приводят примеры незаметных преобразований рыночного характера в сельском хозяйстве, промышленности, финансовой сфере. Переход к политике *пёнчжин* они оценивают как прогресс по сравнению с предыдущим курсом *сонгун*, аргументируя это тем, что новый курс фактически выдвигал экономические цели на тот же уровень приоритетности, что и военные [Ibid: 54]. В то же время надежды на изменения в стране в связи с провозглашением достижения целей политики *пёнчжин* в 2018 г. и сменой ориентации на приоритетное развитие экономики не оправдались. Основные причины заключались в нарастающем по инициативе США международном санкционном давлении и дефиците внутренних ресурсов, в результате которых «и государственный сектор, и “независимый” уклад в 2018–2020 годах перешли к “борьбе за выживание” и на полувоенное положение» [Ibid: 59]. В стране возобладали консервативные тенденции и усилилась централизация.

Поворотным моментом во внутренней и внешней политике КНДР стал декабрь 2019 года, когда Северная Корея провозгласила новый курс «фронтального прорыва», предполагавший приоритет методов мобилизационной экономики, и объявила о возврате к традиционной политике «опоры на собственные силы». «Объяснение — осознание того, что страна будет очень долго, если не всегда, жить под гнётом санкционного давления» [Ibid: 61]. Пандемия коронавируса, в свою очередь, послужила фактором, облегчившим и ускорившим переход северокорейского руководства к жёсткой линии [Ibid: 426, 64–65].

2

Большое внимание в книге А.В. Торкунова, Г.Д. Толорая и И.В. Дьячкова посвящено процессам, происходившим в Южной Корее в период трёх последних администраций — Ли Мёнбака (2008–2013), Пак Кынхе (2013–2017) и Мун Чжэина (2017–настоящее время). Приход к власти в стране представителя консервативной партии Ли Мёнбака авторы книги характеризуют как «консервативный реванш», означавший полный пересмотр подходов леволибералов к внутренней и внешней политике, правление которых посчитали «потерянным десятилетием» [Ibid: 66]. При этом внешнеполитическая стратегия Ли Мёнбака, которая, как справедливо отмечается, «явно предполагала синергию с экономикой», была нацелена на повышение статуса Республики Корея на международной арене [Ibid: 60]. Таким образом, несмотря на некоторые успехи глобального позиционирования, в этот период Сеул сохранил свое положение «политического карлика».

Что касается внутренней политики, то, по мнению авторов, в целом экономическая политика Ли Мёнбака была успешной, но вследствие разного рода причин («нажимной» стиль политики Ли Мёнбака, невыгодное соглашение о свободной торговле с США, репутационные проблемы, ухудшение межкорейских отношений, сомнительные мегапроекты, «затягивание гаек» в общественно-политической сфере и внутривнутриполитическая борьба) президент стремительно терял популярность. Подводя итоги его правления, авторы заключают: «В 2007 году Республика Корея встречала Ли Мёнбака с ликованием, а в 2012 году уже хотела от него поскорее избавиться, надеясь, что со следующим лидером всё будет по-другому» [Ibid: 84].

Тем не менее от такого руководителя, президента Пак Кынхе, дочери «отца корейского экономического чуда» Пак Чонхи, страна избавилась даже раньше истечения срока её полномочий.

Глава, посвящённая её правлению в Южной Корее, дает целостное представление об обстоятельствах прихода к власти, вну-

тренней и внешней политике, отношениях с народом, оппозицией и сопартийцами-консерваторами, её характере и стиле управления, политических скандалах и последующем импичменте. Исследователи отмечают, что «политическая карьера Пак Кынхе, её взлет и падение стали ярчайшей иллюстрацией отношений лидера и народа в Республике Корея после демократизации» [Ibid: 118]. Важной проблемой в этом отношении выступает общественное мнение, переменчивое, недоверчивое к власти имущим, очень требовательное и шепетильное к репутации и имиджу руководителя, особенно лидера государства [Ibid: 115–116], которым не преминут воспользоваться политические силы, находившиеся в оппозиции. Например, «политические элиты и население в равной мере были недовольны стилем руководства Пак Кынхе» [Ibid: 94]. Президент оказалась неспособна консолидировать элиты и не смогла найти общий язык со своим народом.

Для российского читателя небезынтересно читать о последствиях демократизации в Южной Корее, в результате которой ранее всесильные диктаторы Чон Духван и Ро Дэу, жёстко расправлявшиеся с оппозицией, были приговорены соответственно к смертной казни и длительному сроку тюремного заключения по обвинению в коррупции (правда, затем освобождены по амнистии). Вместе с тем и пришедшие к власти бывшие оппозиционеры, которые при диктатуре преследовались, или, по крайней мере, члены их семей также не устояли перед коррупционными соблазнами.

Избранный президентом в 1998 г. вечный лидер оппозиции при диктатуре Ким Дэчжун, похищенный в Токио агентами южнокорейского ЦРУ, чуть не убитый ими в 1973 г. при Пак Чончи и приговорённый к смертной казни при Чон Духване, объ-

вил борьбу с коррупцией, жертвой которой пали два его сына, очутившиеся в тюрьме за взятки. Но Мухён покончил жизнь самоубийством после того, как был обвинён во взятках на сумму 6 млн долларов США. Ли Мёнбаку пришлось принести официальные извинения после того, как его старший брат был приговорён к двум годам тюрьмы за взятку от бизнесмена, а впоследствии и он сам был приговорен к 17 годам тюрьмы по обвинению в злоупотреблении средствами и коррупции¹. И наконец, Пак Кынхе была подвергнута импичменту, в том числе и за финансовые нарушения².

Сильной стороной монографии является изложение политических событий в Южной Корее с опорой на объяснение внутривнутриполитической жизни азиатского государства особенностями менталитета народа, культуры и исторического опыта страны. В частности, отмечается, что «исторический опыт жизни в авторитарном государстве и нежелание возвращаться к такой системе – причины повышенной требовательности к президентам в Республике Корея» [Ibid: 85]. Не меньший интерес для читателя представляет описание личностных особенностей южнокорейских президентов и стилей их управления страной, которые некоторым из них стоили президентского кресла. На основе этого богатого материала можно понять, в чём же причина того, что высший пост в государстве стал чуть ли не самым опасным видом деятельности.

Вероятно, это можно объяснить тем, что традиционная политическая культура Южной Кореи меняется медленнее, чем политическая система. Система перестроилась под правовую модель, где в идеале руководителей и государственных служащих должны набирать в соответствии с их способностями и личными талантами. При этом Южная Корея – азиатская страна.

¹ Кирьянов О. Экс-президент Южной Кореи Ли Мен Бак приговорен к 17 годам тюрьмы. Российская газета. 29.10.2020. URL: <https://rg.ru/2020/10/29/eks-prezident-iuzhnoj-korei-li-men-bak-prigovoren-k-17-godam-tiurmy.html> (дата обращения: 12.01.2021).

² Why South Korea's corruption scandal is nothing new. BBC. 24.11.2020. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-38078039> (accessed: 12.01.2021).

Придя к власти, любой лидер по традиции часто выбирает сотрудников, используя не чисто политические, но клановые и семейные связи: из родственников, знакомых, тех, с кем ранее работал или жил по соседству в родной провинции или городе. Те, в свою очередь, используют близость к шефу для решения личных проблем. Тем не менее реально независимые СМИ и общественные организации, в отличие от диктаторского периода, расследуют и разоблачают нарушения, а независимые суды судят высших чиновников так же, как простых граждан, и выносят строгие приговоры.

Касаясь социально-экономического положения в РК накануне прихода к власти президента-левоцентриста Мун Чжэина, отечественные исследователи указывают на системные вызовы, стоящие перед южнокорейским обществом, в частности стремительное старение населения, высокий уровень безработицы, коррупцию. Став президентом, Мун Чжэин попытался решать экономические проблемы, ориентируясь на социально ориентированные и этатистские практики. Впрочем, по заключению авторов, «экономические эксперименты Мун Чжэина не только не помогли исправить структурные проблемы, стоящие перед южнокорейской экономикой, но и не смогли обеспечить рост» [Ibid: 125].

Анализируя внешнюю политику Мун Чжэина, исследователи отмечают, что в центр своего внешнеполитического курса президент поставил северокаорейскую политику, стремясь помириться с Севером и выступить посредником в решении ядерной проблемы Корейского полуострова. Однако этот подход оказался ошибкой с точки зрения внутренней политики, так как «Мун Чжэин поставил свою политическую судьбу в зависимость от воли импульсивного соседа и не менее импульсивного патрона» [Ibid: 121]. Последовавшее за оптимизмом разочарование на северокаорейском направлении может служить уроком последующим президентам, свидетельствуя об отсутствии у Южной Кореи рычагов влияния на КНДР и США и ограниченных возможностях Сеула играть самостоя-

тельную роль в корейских делах. К причинам провала курса Мун Чжэина в отношении Северной Кореи исследователи относят позицию американского «глубинного государства», которое «совершенно не собиралось прекращать политику давления и допускать, чтобы союзник действовал иначе», а также «недостаток решительности Сеула» [Ibid: 135].

Критика нерешительности РК здесь представляется несколько необоснованной и отражающей скорее пожелания авторов, чем реальную ситуацию. Исследователям, хотелось бы, чтобы Сеул проявлял большую смелость в развитии отношений с Пхеньяном, несмотря на негативную реакцию Вашингтона. В какой-то степени Сеулу удается сохранить внешнеполитическую автономию. Достаточно сказать, что РК, в отличие, например, от Японии, не присоединилась к антироссийским санкциям. Тем не менее у этой автономии есть пределы. Формально РК находится в состоянии войны с Севером, заключено лишь перемирие. КНДР представляет вполне реальную угрозу безопасности и даже самому существованию Южной Кореи, которую один раз её войска чуть не захватили полностью. Если сегодня повторное нападение вряд ли возможно, то скорее не потому, что в Пхеньяне этого не хотят, а из-за того, что там понимают, что будут немедленно уничтожены военной машиной США. Таким образом, США гарантируют само существование и безопасность Южной Кореи, и ожидать, что какое-либо правительство в Сеуле пойдёт на серьёзное ухудшение отношений с Вашингтоном ради довольно эфемерной цели завоевания доверия Пхеньяна, едва ли реалистично.

Подчёркивая, что главной опорой внешней политики Республики Корея остаются Соединённые Штаты, исследователи указывают и на расхождения в интересах союзников. Особенно это стало очевидно после прихода к власти в США Д. Трампа. Южнокорейцев беспокоила и судьба торговых соглашений, и перспективы передачи им командования южнокорейскими войсками в военное время, и вопрос о рас-

пределении расходов на содержание американского контингента, и конфронтационная политика в отношении КНДР (до 2018 г.) и Китая. Авторы отмечают, что «для Сеула как никогда остро встаёт проблема выбора между ключевым военно-политическим союзником и важнейшим экономическим партнёром», каковым является Китай [Ibid: 137].

Вместе с тем и этот выбор представляется не вполне реалистичным. Китай действительно считается ведущим торговым партнёром Южной Кореи, хотя США – второй по значению, но этот фактор не является главным для отношений Сеула с Вашингтоном и Пекином. Соединённые Штаты – союзник и гарант безопасности, поэтому стремление Сеула получить материальные выгоды от торгово-экономического сотрудничества с Пекином имеет свои границы. Развитие связей может происходить только в тех формах и до того уровня, пока оно не подрывает союза с США и тем самым безопасность Южной Кореи.

Стремление Пекина надавить на Сеул, выразившееся в гневных окриках в ныне популярном в Пекине стиле «дипломатии боевых волков», принятие экономических санкций против Южной Кореи имеют обратный эффект. Согласно опросам, популярность Китая в Южной Корее в последние несколько лет резко упала, а США – выросла. По данным *Pew Research*, если в 2002 г. количество опрошенных, позитивно относящихся к Китаю, было 66%, а негативно – 31%, то в 2020 г. ситуация кардинально изменилась – первых стало всего 24%, а вторых – 75%³. В 2019 г. 82% опрошенных жителей Южной Кореи назвали США лидером мировой экономики и только 12% – Китай, хотя за несколько лет до этого их количество почти сравнялось⁴. Вряд ли в этой обстановке стоит ожидать,

что Сеул повернётся в своём внешнеполитическом курсе к КНР, тем более за счёт связей с Соединёнными Штатами – скорее наблюдается обратное.

К сожалению, в книге практически обходится стороной «новая северная политика» Сеула, непосредственно затрагивающая Россию. За рамками исследования остаётся дипломатическая активность РК в странах Центральной Азии. Говоря об индийском векторе «новой южной политики», исследователи ограничиваются констатацией того, что «по сочетанию торжественности и политической бесплодности курс на развитие южнокорейско-индийских связей перекликается с «новой северной политикой» [Ibid: 144]. Подводя итоги первой половины президентства Мун Чжэина, они отмечают, что перед южнокорейской экономикой по-прежнему стоят структурные проблемы, которые не решить хозяйственным экспериментом. При этом администрация Мун Чжэина «не стремится примирить левых и правых, выстроить гармоничную систему политического общения». В результате сохраняются все старые проблемы: «ожесточённая борьба двух лагерей, интриги и взаимные обвинения, часто препятствующие достижению стратегических целей» [Ibid: 145].

3

Анализ межкорейских отношений показывает, что у напряжённости на полуострове есть два взаимосвязанных измерения: интернационализированное (ядерная проблема) и внутреннее (разделение единой нации на два отдельных государства в течение нескольких десятилетий), влияние которых друг на друга неоднозначно: «Отказ Пхеньяна от ядерных разработок сам по себе не прекратит противостояния между Севером и Югом. В то же время

³ Silver L., Delvin K., Huang C. Unfavorable Views of China Reach Historic Highs in Many Countries. Pew Research Center. 06.10.2020. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2020/10/06/unfavorable-views-of-china-reach-historic-highs-in-many-countries/> (accessed: 12.01.2021).

⁴ Cha J. People in Asia-Pacific regard the U.S. more favorably than China, but Trump gets negative marks. 25.02.2020. Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/02/25/people-in-asia-pacific-regard-the-u-s-more-favorably-than-china-but-trump-gets-negative-marks/> (accessed: 12.01.2021).

межкорейская нормализация представляет собой непреложное условие решения ядерной проблемы, поскольку ракетно-ядерная программа КНДР – прямое производное многолетнего противостояния между Северной и Южной Кореей» [Ibid: 146].

Это замечание авторов важно для понимания проблем межкорейских отношений. Из него можно сделать вывод об ошибочности любой северокорейской политики Сеула, обуславливающей развитие межкорейских связей денуклеаризацией КНДР и отвергающей сотрудничество до тех пор, пока этого не произойдёт. На основе представленного в книге фактического материала авторы приходят к выводу о бесперспективности конфронтационного курса южнокорейских консерваторов, который привёл к полной деградации межкорейских отношений и прекращению всякого рода двустороннего сотрудничества в 2016 году [Ibid: 167].

Анализируя июньский кризис 2020 года, авторы отмечают, что реакция Пхеньяна на отправку южнокорейскими правозащитниками листовок на территорию КНДР «была куда более жёсткой и далекоидущей, чем мог предполагать такой эпизод, что выдавало созревшее решение Пхеньяна вновь перейти к нажимным методам и отказу от диалога» [Ibid: 179]. Они считают, что примирение двух Корей и выработка «формулы мирного сосуществования» могут произойти не ранее, чем через 10–15 лет, пока «по обе стороны ДМЗ не останется ни одного лидера, лично пережившего травму Корейской войны» [Ibid: 182]. Характерно, что речь идёт именно о позитивном мирном сосуществовании, а не объединении Севера и Юга Кореи: отмечается, что пока нет оснований ожидать воссоединения двух государств в сколь-либо обозримой перспективе.

В разделе, посвящённом ракетно-ядерной проблеме Корейского полуострова и усилиям её политико-дипломатического урегулирования, исследователи даже с некоторой долей симпатии показывают, как КНДР последовательно совершенствовала свой ракетно-ядерный потенциал и стойко

выдерживала связанное с этим нарастание международного давления и изоляции. Выражая понимание позиции Пхеньяна, они отмечают, что «ядерная карта» «не только является “сдерживателем”, но и обеспечивает заинтересованность партнёров (как противников режима, так и поддерживающих его Китая и России) в стабильности в де-факто ядерном государстве во избежание хаоса. Ядерная программа выдвигает КНДР в число немногих самостоятельных субъектов международных отношений, работая на престиж северокорейских вождей» [Ibid: 183]. Далее авторы приходят к неизбежному, по их словам, выводу, что «КНДР будет держаться за ядерное оружие до последнего – во всяком случае, до маловероятного момента, пока не будет полностью уверена в отсутствии враждебных намерений со стороны своих противников и сможет обоснованно рассчитывать на получение действенной помощи развитию страны. В скором будущем ожидать такого точно не приходится» [Ibid: 184].

По мнению исследователей, «значительная часть вины за тупик лежит на США и их союзниках» [Ibid: 202]. Они указывают на такие ошибки предыдущих американских администраций, как ожидание «скорого краха КНДР, который естественным образом разрешил бы ядерную проблему», нажимной курс «стратегического терпения», сочетающий санкции и изоляцию, нацеленный прежде всего на ослабление режима. «Именно такая политика и спровоцировала погоню КНДР за ядерной бомбой», срыв выполнения договорённостей, достигнутых в ходе шестисторонних переговоров в 2005–2007 годах и, наконец, провал американско-северокорейских ядерных переговоров 2018–2019 годов и возврат Ким Ченына к конфронтационной линии в декабре 2019 г. [Ibid: 204]. Авторы также указывают на недоговороспособность США, в которой северокорейское руководство ещё больше убедили ливийские события 2011 года, а также выход США из иранской ядерной сделки в мае 2018 года.

Рассматривая события разрядки на Корейском полуострове 2018–2019 годов,

4

авторы книги неоднократно критикуют нажимной американский подход к решению ядерной проблемы, за проведение которого выступают сторонники «максимального давления», в частности американское «глубинное государство». Они отмечают бесполезность такого курса [Ibid: 236] и бесперспективность стремления США получить «всё и сразу» без каких-либо уступок. Отечественные эксперты как будто пытаются вразумить американских ястребов, указывая на нелепость и неразумность их расчётов и представления ситуации вокруг ЯПКП: «они [ястребы] искренне убеждали всех, что до полной денуклеаризации говорить с КНДР вообще не о чем, будто бы не отдавая себе отчёт в том, что после денуклеаризации говорить с КНДР никому не будет интересно» [Ibid: 240]. В итоге, разочаровавшись в переговорах с США, Ким Ченын вернулся к самоизоляции, отказавшись от тактики взаимных уступок и сделав ставку на развитие экономического и военного потенциала страны собственными силами.

Одна из глав монографии посвящена шестистороннему формату, в рамках которого в 2003–2007 годах шли дипломатические переговоры по урегулированию ядерной проблемы. Авторы убеждены, что шестисторонние переговоры «не только являются рецептом политико-дипломатического урегулирования проблем безопасности на Корейском полуострове», но и могут стать основой для формирования системы коллективной безопасности в Северо-Восточной Азии [Ibid: 259]. Интересно замечание о том, что шестисторонние переговоры – «слишком состоявшийся» институт, ставший из-за своего структурного совершенства и эффективности ненужным и неудобным для целого ряда участников» [Ibid: 258]. По тем или иным причинам и Вашингтон, и Токио, и Сеул, и Пхеньян «на данный момент, похоже, устраивает определённый градус конфронтации, как им кажется – контролируемой» [Ibid: 257]. В частности, США придерживаются стратегии «управляемого хаоса» на Корейском полуострове с целью оказания давления на Китай.

А.В. Торкунов, Г.Д. Толорая и И.В. Дьячков подробно прослеживают эволюцию позиции России по ядерному вопросу, подкрепляя свой анализ многочисленными цитатами из заявлений и комментариев российских официальных лиц. Исследователи критикуют первоначальный подход Москвы за «реактивность», заключающийся в действиях по «привычному сценарию» [Ibid: 284], в частности поддержку согласованных США с Китаем резолюций Совета Безопасности ООН, и призывают стороны искать политический путь урегулирования ядерной проблемы и других вопросов в Северо-Восточной Азии на многосторонней основе.

Касаясь событий 2017 года, учёные пишут, что «ситуация на полуострове продолжала развиваться по конфронтационной спирали, оставляя Россию в качестве наблюдателя» [Ibid: 282]. Они критически оценивают поддержку Россией американо-китайского проекта «драконовской» резолюции № 2397 от 22 декабря 2017 года, когда «российский МИД был просто поставлен перед фактом», хотя проект резолюции «явно расходился с видением Кремля и конкретными российскими интересами». Отечественные специалисты заключают, что «скрепя сердце Москва выступила солидарно с Пекином» [Ibid: 290].

Аналогично, анализируя развитие ситуации после начала разрядки на Корейском полуострове в 2018 году, авторы пишут, что «события разворачивались лавинообразно, отодвигая Россию на второй план» [Ibid: 290], но только «накопленный актив связей с КНДР позволил [России] всё же включиться в разворачивающиеся процессы» [Ibid: 291]. «В течение весны 2018 г. происходило налаживание сначала межкорейских, затем северокорейско-китайских и северокорейско-американских контактов, в том числе на высшем уровне» [Ibid: 293].

В условиях вновь наступившего тупика в решении ядерной проблемы «всё более явными стали расхождения между Россией и США по поводу дальнейшей линии корейского урегулирования. Россия продолжала настаивать на том, что решение долж-

но быть компромиссным, комплексным и учитывать законные интересы всех партнёров. Коалиция западных держав во главе с США продолжала политику санкций и давления, дальнейшую изоляцию КНДР, хотя вроде бы уже стало ясно, что для прекращения и тем более поворота вспять ракетно-ядерной программы КНДР такая линия абсолютно неэффективна» [Ibid: 298].

Интересны замечания относительно дуализма политической линии России по отношению к корейскому урегулированию. «Речь идёт о сочетании попыток, с одной стороны, не противоречить западному курсу на давление и изоляцию КНДР, а с другой — стремиться к компромиссному дипломатическому решению. Такое решение предполагает учёт законных интересов всех участников, включая КНДР, что неприемлемо для Запада. Так что на деле дипломатия сводится к лавированию, продиктованному желанием поддерживать ровные отношения со всеми участниками долговременного конфликта, несмотря на их непримиримые противоречия между собой, и предотвратить обострение» [Ibid: 299]. Учёные утверждают, что решение корейской проблемы, допускающее в том числе исчезновение КНДР как государства, «явно не отвечает интересам России», а отвечает лишь интересам США и их союзников, но не приводят аргументов в обоснование этого тезиса. В итоге они обвиняют Москву в том, что она «пытается создать видимость единомыслия и идёт на компромиссы иной раз даже по принципиальным вопросам», чтобы «не испортить отношения со странами Запада и международными организациями, где эти страны доминируют» [Ibid: 300], снова не указывая, что это за вопросы, которые они считают принципиальными.

В целом авторы критически оценивают участие России в санкциях против КНДР, считая её политику в данном вопросе «неоправданной ни с точки зрения политической целесообразности, ни с точки зрения этики» [Ibid: 300]. Они также отмечают, что «для США Корейский полуостров — своего рода полигон испытаний методов санкци-

онной войны, а объектом такой же войны является и Россия. Таким образом, недопущение обкатки подобных технологий “в поле” связано с национальными интересами самой России» [Ibid: 303]. Кроме того, с точки зрения авторов, санкции контрпродуктивны в решении ядерной проблемы — более того, они «фактически укрепляют политический режим в КНДР и внутривнутриполитическую стабильность за счет оправдания “закручивания гаек”», а также способствуют формированию «новых подпольных цепочек поставок и сетевых структур в мировом масштабе, которые могут самостоятельно развиваться и без связи с КНДР» [Ibid: 309]. Анализируя динамику российско-северокорейских связей с 2008 года, которые пережили как периоды улучшения, так и этапы кризисов, авторы объясняют нормализацию отношений тем, что дефицит контактов невыгоден обеим сторонам [Ibid: 319].

Рубежным моментом для российско-северокорейских контактов стал 2014 год: несмотря на то что «причины для недовольства Москвы акциями КНДР сохранялись, российский подход к этим событиям изменился» [Ibid: 330]. Россия стала более сочувственно относиться к позиции КНДР. В результате, несмотря на ухудшение отношений с КНДР в 2016–2017 годах из-за активизации последней ракетно-ядерных испытаний, Москва старалась «сбалансировать свои отношения с обеими сторонами конфликта, не возлагая вину полностью на КНДР» [Ibid: 335]. Они также пишут: «Ирония состояла в том, что растущая турбулентность в мире после победы на выборах в США президента Д. Трампа, нестабильность в западном лагере, в том числе в ЕС и “Большой семёрке”, напряжённость между “единственной сверхдержавой” и иными центрами силы, включая Китай, а также беспрецедентная враждебность Запада по отношению к России фактически подталкивали Россию и КНДР друг к другу» [Ibid: 336–337]. Более того, разрядка 2018 г. ещё раз подтвердила «важность для России поддержания хороших отношений с руководством КНДР» [Ibid: 342]. В целом

сдвиги в российско-северокорейских связях, последовавшие за апрельским саммитом в апреле 2018 года, упрочили роль России в урегулировании и обеспечили Ким Ченыну «дополнительный источник поддержки в своем диалоге с противниками», чем «мало кто был доволен» [Ibid: 349].

Оценки учёных российской политики по ядерной проблеме представляются крайне неоднозначными. По сути, они предлагают отказаться от поддержки международных санкций, по крайней мере от значительной их части, и сдвинуться в сторону большего содействия КНДР. При этом они не объясняют, какие именно цели должен преследовать этот сдвиг. Официально целью присоединения России к международным санкциям против КНДР считается денуклеаризация Корейского полуострова, то есть отказ Пхеньяна от ядерного оружия. Эта цель провозглашена, в частности, в принятой в 2016 г. Концепции внешней политики Российской Федерации, в которой указано, что «Россия неизменно выступает за безъядерный статус Корейского полуострова и будет всемерно содействовать его денуклеаризации...»⁵. 15 мая 2017 г. во время визита в Пекин В.В. Путин подтвердил, что «мы категорически против расширения клуба ядерных держав, в том числе за счёт Корейского полуострова, за счёт Северной Кореи... Мы против и считаем это контрпродуктивным, вредным и опасным»⁶. Даже после ухудшения отношений с США данный вопрос с повестки дня российской дипломатии не снимается.

Достижение этой цели с 2017 г. не только не приблизилось, но даже отдалилось. Со времени введения против Пхеньяна первых санкций позиция её руководства стала ещё более жесткой: КНДР объявила себя ядерной державой и от этого статуса отказываться не собирается. В этих условиях смягчение существующих ограничений

может означать признание того, что Россия не только более не считает эту цель достижимой, но и хотела бы поощрить Северную Корею за её отказ выполнять требования международного сообщества.

Предположим, что Москва этого и хочет, пусть и не признавая такую цель открыто. С 2014 г. США вступили в непосредственную конфронтацию с Россией, а в 2016 г. — с Китаем, и роль КНДР как антиамериканской силы для Москвы и Пекина возросла. Тем не менее стоит ли весьма эфемерная поддержка со стороны КНДР фактического признания провала всего курса России и международного сообщества на денуклеаризацию Корейского полуострова? Или отказа КНДР от ядерного оружия предполагается достигнуть другими средствами? Упования на шестисторонние переговоры вряд ли реалистичны, потому что от них отказываются не только Вашингтон и его союзники, но и Пхеньян. Как признают сами авторы, «КНДР пока не настроена обсуждать ключевые вопросы ни с одной из сторон, кроме США» [Ibid: 251]. Тем самым эта позиция снижает роль России в урегулировании, а другого пути авторы не намечают.

Возможно, исследователи полагают, что стратегия нераспространения ядерного оружия устарела как таковая. Сторонники таких взглядов есть как в России, так и в США. В опубликованном в 2019 г. докладе российских экспертов «Новое понимание и пути укрепления многосторонней стратегической стабильности» фактически содержится предложение официально признать все страны, де-факто обладающие таким оружием, в том числе Израиль и КНДР, ядерными, и привлекать их к «концептуально-стратегическим диалогам» с существующими ядерными державами [Каранов, Суслов 2019: 49]. Это будет означать признание ядерного статуса КНДР, что повлечёт за собой цепную реакцию. Напри-

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). МИД России. Официальный сайт. 01.12.2016. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkB6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 12.01.2021).

⁶ Путин В.В. Ответы на вопросы журналистов. Президент России. Официальный сайт. 15.05.2017. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54499> (дата обращения: 12.01.2021).

мер, в США авторитетные эксперты уже всерьёз выдвигают предложения разрешить разработку собственного ядерного оружия Южной Корее и Японии в качестве средства сдерживания возможного ядерного нападения КНДР [Badow 2016].

Укрепит ли такое развитие событий безопасность России? На наш взгляд, это крайне сомнительно. Не следует забывать, что КНДР — ближайшее к России государство, обладающее ядерным оружием. Его испытания проводятся в самой северной части Корейского полуострова, от которой рукой подать до Владивостока. Не говоря уж о военной операции, любая технологическая авария сразу же поставит под угрозу его шестисоттысячное население. В июле 2015 г. в Приморском крае был переработан план эвакуации населения на случай войны в безопасный район, представляющий собой «территорию, расположенную вне зон возможных разрушений, возможного радиационного загрязнения, возможного химического заражения...» [Басаргин 2015: 55].

Кроме того, увеличение числа ядерных держав явно противоречит интересам России тем, что снижает её вес в мире. Сегодня экономика России по номинальному ВВП — лишь 11-я в мире, но статус ведущей ядерной державы делает её второй после США и одной из пяти официально признанных ядерных держав (или одной из семи, если считать де-факто признанными ядерными государствами Индию и Пакистан). Чем больше государств будут получать ядерное оружие, тем больше девальвируется относительный статус России в мировой политике. Таким образом, борьба за нераспространение ядерного оружия в целом и его ликвидацию в Северной Корее в частности должна остаться приоритетной задачей российской внешней политики, и хотелось бы получить от авторов ответ, каким образом можно добиться этой цели, если поощрять Пхеньян за отказ от денуклеаризации смягчением санкций.

Ссылки исследователей на этику также не представляются достаточно обоснованными. От исчезновения северокорейского режима, будь то под международным дав-

лением или по внутренним причинам, только выиграют как корейский народ, так и его соседи. Объединённая Корея будет гораздо более крупной и, следовательно, независимой страной, так как исчезнет главная угроза её безопасности, и союз с США уже не будет иметь такого значения (хотя, возможно, и будет сохранён из-за соседства с Китаем). Россия сможет спокойно, не опасаясь ядерных катастроф, развивать с ней торгово-экономическое сотрудничество, как сейчас она это успешно делает с Южной Кореей — одним из главных своих азиатских партнёров. Это будет важно как само по себе, так и с точки зрения необходимости диверсификации отношений сотрудничества в Восточной Азии, с тем чтобы уйти от чрезмерной экономической зависимости от мощного Китая. Если положить всё это на одну чашу весов, а на другую — стремление проводить внешнеполитический курс по иррациональному советскому принципу «назло маме отморожу уши», то первая явно перетянет.

Учёные отмечают, что, несмотря на сложность и турбулентность политических отношений между Россией и КНДР в 2008–2017 годах, между странами продолжали развиваться культурные и гуманитарные связи. Любопытно замечание о том, что «из всех стран, ранее входивших в “социалистический лагерь”, КНДР оказалась наиболее восприимчивой к российской “мягкой силе”» [Торкунов, Толорая, Дьячков 2021: 328]. Тут с ними нельзя не согласиться. Конечно, хотелось бы, чтобы к российской «мягкой силе» оказался восприимчив кто-то ещё.

Обращаясь к российско-южнокорейским отношениям, исследователи указывают на заинтересованность России в развитии в большей мере экономических связей с Южной Кореей в силу «ограниченности суверенитета» последней [Ibid: 414]. Что касается самого Сеула, то «главный фактор южнокорейского политического интереса к Москве — желание использовать её связи с Пхеньяном как инструмент влияния на КНДР» [Ibid: 409]. Авторы монографии заключают, что «российско-южнокорей-

ское сотрудничество отвечает взаимным интересам и в отдельных аспектах добивается существенных результатов, но для обеих стран развитие отношений не является приоритетной задачей, а границы взаимодействия определены конфигурацией связей с другими, более важными партнёрами». В то же время в целом позитивно оцениваются перспективы укрепления контактов между Россией и Республикой Корея в силу «сочетания относительной “беспроблемности”, определённого накопленного капитала отношений и потенциала для их развития», хотя и отмечается, что цели сторон не всегда совместимы, а «сравнительно низкая экономическая взаимозависимость и военно-политические факторы могут наложить ограничения на дальнейшее развитие связей» [Ibid: 412–413].

Авторы считают «высокий уровень политических отношений как с Югом, так и с Севером» важным для России дипломатическим активом «в масштабах не только Корейского полуострова, но и Северо-Восточной Азии в целом», поэтому они предостерегают от «перекосов в ту или иную сторону», имевших место в советские годы и в начале 1990-х годов, подчёркивая «необходимость поддержания этого уровня и в будущем» [Ibid: 413].

Авторы монографии формулируют заключение о том, что если ставить задачу урегулирования в Корее, то единственно возможный путь — «целенаправленный поиск компромисса и баланса интересов», однако, констатируют они, ни одна из сторон особо не стремится к этому. Поэтому

сложившаяся в регионе ситуация «ни мира, ни войны», своеобразная «конфронтационная стабильность», является долгосрочной и, «возможно, наилучшим среди плохих сценариев» [Ibid: 432].

Корейская проблематика крайне важна для России по многим причинам. Оба корейских государства — соседи России, с которыми необходимо развивать добрососедское сотрудничество, они — влиятельные игроки в регионе Северо-Восточной Азии, который важен России как с геополитической точки зрения, так и для решения ее стратегической задачи по экономическому развитию её восточных регионов. Наконец, ядерная проблема Корейского полуострова — один из «горячих» вопросов мировой политики, в которой Россия играет значительную роль. Поэтому расширение исследований современной Кореи имеет для нашей страны огромное теоретическое и практическое значение.

Книга А.В. Торкунова, Г.Д. Толораи и И.В. Дьячкова вносит в это дело значительный вклад. Она — видное достижение российского корееведения и регионоведения в целом. Как и любое серьёзное исследование, она способна вызывать дискуссии и возражения и в том числе благодаря этому, безусловно, станет настольным пособием российских корееведов, специалистов по Восточной Азии и всех, кто интересуется современной жизнью в двух корейских государствах, их экономикой, культурой, внешней и внутренней политикой.

Список литературы

- Басаргин В.Д. Актуальные вопросы эвакуации населения, материальных и культурных ценностей в безопасные районы в системе гражданской обороны Приморского края // Совершенствование гражданской обороны в Российской Федерации: Материалы Всероссийского совещания с руководителями федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по проблемам гражданской обороны и защиты населения и XI Научно-практической конференции «Совершенствование гражданской обороны в Российской Федерации». М.: ДГО МЧС России, ФКУ ЦСИ ГЗ МЧС России, ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2015. С. 53–55. URL: https://www.chuvsu.ru/wp-content/uploads/2020/04/sovershenstvovanie_grazhdanskoj_oborony.pdf (дата обращения: 21.01.2021).
- Караганов С.А., Суслов Д.В. Новое понимание и пути укрепления многосторонней стратегической стабильности: Доклад. М.: НИУ ВШЭ. 55 с. URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2019/09/REPORT_Rus_1.pdf (дата обращения: 21.01.2021).

- Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл. Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 544 с.
- Торкунов А.В., Топорая Г.Д., Дьячков И.В. Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.). М.: Просвещение, 2021. 448 с.
- Armstrong Ch.K., Rozman G., Kim S.S. (eds) Korea at the Center: Dynamics of Regionalism in Northeast Asia. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 2006. 344 p.
- Bandow D. Let Them Make Nukes: The Case for "Friendly" Proliferation. Foreign Affairs. 26.07.2016. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/japan/2016-07-26/let-them-make-nukes> (accessed: 21.01.2021).
- Cha V. The Impossible State North Korea, Past and Future. New York: Ecco, 2013. 560 p.
- Jeh Sung-hoon, Lee Hye-jung, Kim Jae-kwan. Sinhanbandochaje silhyeon-eul wihan mi-jung-leoui segyejeonlyag yeongu [A study on the Grand Strategies of the US, China, and Russia for the Realization of "New Korean Peninsula Regime"]. Korea Institute for International Economic Policy, 30.12.2019. 256 p. URL: http://www.kiep.go.kr/sub/view.do?bbsId=search_report&ntId=206474&searchIssue=&searchWrt=&pageIndex=12 (дата обращения: 12.01.2021).
- Park Byung-in. Leosiaui dongjin jeonlyaggwa daehanbando jeongchaeg yeongu: ukeulaina satae ihu, gugje jeonlyaghwangyeong-ui byeonhwaleul baegyeong-eulo [Study on Russia's Eastward Strategy and Policy toward the Korean Peninsula: With Change in the Strategic Environment since the Ukrainian Crisis as the Background]. Segyejiyeongyeongunonchong [Journal of International Area Studies]. Vol. 33. No. 3. P. 127–146.
- Tan Hongmei. Chaoxian bandao bainian guanxi yanhua yinsu yanjiu [The Study of the Factors Influencing the Evolution of North-South Relations on the Korean Peninsula]. Changchun: Jilin University Press, 2015.

KOREA IN THE EARLY 21ST CENTURY AND RUSSIA'S INTERESTS

ALEXANDER LUKIN

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

HSE University, Moscow, 101000, Russia

OKSANA PUGACHEVA

HSE University, Moscow, 101000, Russia

Abstract

The article is a response to a new, pioneering book *Modern Korea. Metamorphoses of Turbulent Years (2008–2020)* written by a group of leading Russian experts on Korea from MGIMO University: Anatoly Torkunov, Georgy Toloraya, and Ilya Dyachkov. The book is a valuable addition to the existing literature and a product of a unique approach to modern Korean studies conducted at MGIMO. The article examines and develops the comprehensive analysis provided by MGIMO professors, point out pressing issues on the Korean Peninsula and assess Russia's potential role in solving them. The fact that the goal of denuclearizing the Korean Peninsula based on Pyongyang's rejection of nuclear weapons not only has not been achieved, but became even more distant than before, leads us to questioning the logic behind the authors' recommendation for Russia to withdraw its support from the international system of sanctions against Pyongyang and to move closer to North Korean. We argue that easing the sanctions may mean recognizing that Russia does not believe in this goal and wishes to encourage North Korea's refusal to comply with the demands of the international community. Moreover, such an approach could be perceived as evidence of Russia's support of some new academic theories which claim that the very system of non-proliferation has become outdated and can even be abolished altogether. At the same time, this position

would reduce the role of Russia in the Korean settlement, which would inevitably have a negative impact on DPRK's renunciation of nuclear weapons in the foreseeable future. The article argues that such views, especially that the non-proliferation strategy is outdated, come into a direct contradiction with Russia's interests. The recognition of DPRK's nuclear status may spark a chain reaction in the quest for nuclear weapons in the region which in turn would create a serious security threat for Russia's eastern regions. In addition, an increase in the number of nuclear states would devalue Russia's status as a nuclear power, thus, the policy of nonproliferation of nuclear weapons should remain a priority of Russia's foreign policy. Overall, we conclude that Moscow's policy towards the Korean peninsula should be based on careful evaluation of the current international situation as well as Russia's interests, and not on outdated and often counterproductive Soviet tradition.

Keywords:

Korean Peninsula; DPRK; Republic of Korea; nuclear and missile problem of the Korean Peninsula; Russia; Russia – North Korea relations; Russia – South Korea relations; USA.

References

- Armstrong Ch.K., Rozman G., Kim S.S. (eds) (2006). *Korea at the Center: Dynamics of Regionalism in Northeast Asia*. Armonk, NY: M.E. Sharpe. 344 p.
- Bandow D. (2016). Let Them Make Nukes: The Case for "Friendly" Proliferation. *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/japan/2016-07-26/let-them-make-nukes> (accessed: 21.01.2021).
- Basargin V.D. (2015). *Aktualnye voprosy evakuatsii naseleniia, material'nykh i kulturnykh tsennostei v bezopasnye raiony v sisteme grazhdanskoi oborony Primorskogo kraia / Sovershenstvovanie grazhdanskoi oborony v Rossiiskoi Federatsii. Materialy Vserossiiskogo soveshchaniia s rukovoditeliami federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti i organov ispolnitel'noi vlasti sub'ektov Rossiiskoi Federatsii po problemam grazhdanskoi oborony i zashchity naseleniia i XI Nauchno-prakticheskoi konferentsii "Sovershenstvovanie grazhdanskoi oborony v Rossiiskoi Federatsii"* [Topical Issues of Evacuating the Population, Material and Cultural Heritage Objects to Safe Areas in the Civil Protection System of Primorsky Krai / Improving Civil Defense in the Russian Federation. Materials of the All-Russian Meeting with the Heads of Federal Executive Bodies and Executive Bodies of the Constituent Entities of the Russian Federation on the Problems of Civil Defense and Protection of the Population and the XI Scientific-Practical Conference "Improving Civil Defense in the Russian Federation"]. Moscow: DGO MCHS Rossii Publishers; FKU TSSI GZ MCHS Rossii Publishers; FGBU VNII GOCHS (FTS) Publishers. P. 53–55. URL: https://www.chuvsu.ru/wp-content/uploads/2020/04/sovershenstvovanie_grazhdanskoi_oborony.pdf (accessed: 12.01.2021).
- Cha V. (2013). *The Impossible State North Korea, Past and Future*. New York: Ecco. 560 p.
- Jeh Sung-hoon, Lee Hye-jung, Kim Jae-kwan. (2019). *Sinhanbandacheje silhyeon-eul wihan mi-jung-leoui segyejeonlyag yeongu* [A study on the Grand Strategies of the US, China, and Russia for the Realization of "New Korean Peninsula Regime"]. Korea Institute for International Economic Policy. 256 p. URL: http://www.kiep.go.kr/sub/view.do?bbsId=search_report&ntId=206474&searchIssue=&searchWrt=&pageIndex=12 (accessed: 12.01.2021).
- Karaganov S.A., Suslov D.V. (2019). *Novoe ponimanie i puti ukrepleniia mnogostoronnei strategicheskoi stabil'nosti* [The New Understanding and Ways to Strengthen Multilateral Strategic Stability]. Report. Moscow: National Research University Higher School of Economics. 150 p. URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2019/09/REPORT_Rus_1.pdf (accessed: 21.01.2021).
- Park Byung-in. Leosiaui dongjin jeonlyaggwa daehanbando jeongchaeg yeongu: ukeulaina satae ihu, gugje jeonlyaghwangyeong-ui byeonhwauleul baegyeong-eulo [Study on Russia's Eastward Strategy and Policy toward the Korean Peninsula: With Change in the Strategic Environment since the Ukrainian Crisis as the Background]. *Segyejiyeogyangunonchong* [Journal of International Area Studies]. Vol. 33. No. 3: 127–146.
- Tan Hongmei. (2015). *Chaoxian bandao bainian guanxi yanhua yinsu yanjiu* [The Study of the Factors Influencing the Evolution of North-South Relations on the Korean Peninsula]. Changchun: Jilin University Press.
- Torkunov A.V., Denisov V.I., Li V.F. (2008). *Koreiskii poluostrov: metamorfozy poslevoennoi istorii* [Korean Peninsula: Metamorphoses of the Post-War History]. Moscow: OLMA Media Group Publishers. 544 p.
- Torkunov A.V., Toloraya G.D., Dyachkov I.V. (2021) *Sovremennaya Koreya: metamorfozy turbulentnykh let (2008–2020 gg.)* [Modern Korea: Metamorphoses of Turbulent Years (2008–2020)]. Moscow: Prosveshchenie Publishers, 2021. 448 p.